

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

ВОСКРЕСЕНЬЕ,
23 НОЯБРЯ 1986 ГОДА

встреча

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА

Наш собеседник — кинорежиссер Геннадий Полока

В день рождения комсомола Центральное телевидение показало художественную картину «Я — вожатый форпоста». Мы приглашаем вас вернуться на несколько месяцев назад на съемочную площадку. Ею стала одна из бывших классных комнат двухэтажного особняка на Большой Ордынке, где в начале века находились женские педагогические курсы, а сейчас — педагогическое училище номер один. Вот оборачивается один из сидящих за партой юношей. Да ведь это Колька Гудков — герой трехсерийной телевизионной ленты «Наше призвание». А значит, и «командует парадом» здесь сегодня кинорежиссер Геннадий Полока.

— Геннадий Иванович, на протяжении многих лет вы верны своей теме — становление характера молодого человека. От «Капроновых сетей» — к «Республике ШКИД» и «Нашему призванию». Верны, хотя судьба последней ленты складывалась нелегко, да и показана она была поначалу только по второй программе ЦТ. Почему так близка вам эта тема?

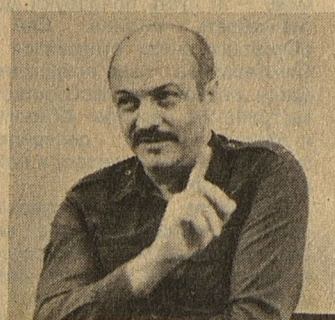
— Как известно, человеческая личность формируется с юных лет. И от того, в каком моральном климате протекали школьные годы, во многом зависит то, с каким багажом вступит молодой человек во взрослую жизнь, что он будет представлять из себя как человеческая личность. Для меня школа — это наглядная модель того человеческого общества той страны, в которой она существует.

— В ваших работах воссоздано время 20-х годов, передан дух школы того времени с ее принципами самоуправления, бескорыстным энтузиазмом и учеников, и наставников — вспомним того же Викниксора (Виктора Николаевича Сорокина из «Республики ШКИД», представленной по книге Л. Пантелеева и Г. Белых), Михгава из «Нашего призвания». Кстати, не случайно последнее название — это ведь об учительской профессии сказано. Откуда этот интерес?

— Да, школа 20-х — моя любовь, моя страсть. Это и понятно. 20-е годы — молодость нашей страны. Сколько талантов в политике — рядом с гениальным Лениным Свердлов, Красин, Воронский, Чичерин, Луначарский! А в искусстве? В 24 года Эйзенштейн создает величайшее произведение кинематографа. В театре — вторую молодость переживает Станиславский, приходят Вахтангов, Мейерхольд. Какая фантастическая музыка — молодой Шостакович, Прокофьев! В поэзии — расцвет гения Маяковского.

Этот подъем не мог не отразиться на школе. В педагогике появляются такие первооткрыватели, как Макаренко, Лепешинский, Викниксор наконец! Интеллигенция была охвачена просветительским энтузиазмом. Выдающиеся ученые, профессора университета преподавали в рядовых школах...

И тогдашние ученики считали себя хозяевами школы, создателями школьной жизни. Это отношение формировалось учком, у которого в то время были равные права с педсоветом. Вот меня спрашивают: как могло столько стенгазет в одном классе выпускаться —

порядка сорока? Сейчас одну, причем небольшую, составленную из печатных вырезок, заставить выпустить не могут! А тогда — огромные простыни, делавшиеся за ночь, по семь штук в неделю — живые, остроумные, ершистые. Ведь это какой нужен подъем!

Правда, замечу, это было в лучших школах, а вместе с тем существовали просто чудовищные школы, особенно в провинции, где занятия зачастую велись бывшими классными дамами, где царили муштра и формалистика. Дело в том, что тогда еще не было единой методики, но именно в то время закладывались основы новой, советской школы.

— А чем объяснить, что многие плодотворные идеи советской педагогики 20-х годов так долго ждали своего возвращения?

— В 40-е годы из школы ушло многое живое, в то же время развитие получили бюрократические тенденции, вспомним пресловутое раздельное обучение, так называемое «словесное» воспитание — по вывешенным на стенах правилам поведения.

Ведь потребность в школьной реформе (которую, кстати сказать, кое-кто воспринял как очередную «кампанию» и пока не торопится менять положение дел) возникла давно. Появился слой учителей — формалистов, воспитанных на составлении отчетов. Пусть ученики думают о чем угодно, лишь бы тихо сидели на уроках. Пусть думают, что хотят, а вслух говорят только «нужные» вещи.

А это привело к разрушению личности — к гражданской пассивности и инертности. Вчерашние ученики приходят на производство, имея прекрасные рабочие специальности (результат трудового обучения), и начинают работать спустя рукава, потому что не осознают себя хозяевами предприятия.

Главное в реформе, на мой взгляд, гражданское воспитание, воспитание потребности трудиться. А это, я полагаю, возможно лишь при восстановлении норм гласности и демократизма, существовавших в 20-е годы в школе, самоуправления, которое трудно и непросто вводится в сегодняшней школе.

— Геннадий Иванович, наверное, не случайно в ваших лентах ребята так много и с увлечением играют — вспомним хотя бы эпизод «театра» в «Нашем призвании»?

— Считаю необходимым и очень полезным этот способ воспитания, воспитания искусством. Потребность ребенка в искусстве естественна, если школа не печальная обязанность, не отбывание повинности. В лучших школах всегда есть свои театры. Произнесение чужих, написанных писателем

текстов порой является для робких, застенчивых школьников единственным способом «самовыражения». Играя, скажем, Шекспира, ребята с его помощью осваивают окружающий мир, прогнозируют свою жизнь.

Вот почему, если я проверяю ребенка на одаренность, то проверяю его способность фантазировать, в том числе и на темы, заданные книгой, картиной. Существует два способа постижения того, что заложено в искусстве. Либо ребенок четко воспринимает концепцию художника и говорит: это фильм конкретно про то-то и то-то. Это отнюдь не плохо. Но самое прекрасное, когда он начинает увиденное прикладывать к себе, своему опыту, то есть пропускать через себя. А значит, процесс восприятия искусства не заканчивается с окончанием сеанса, спектакля или с последней книжной страницей. Потому что искусство для такого человека — повод для собственных размышлений и собственного творчества.

— В ваших фильмах юные актеры на редкость естественны и органичны, а еще небывало страстны в отстаивании правоты своих героев. Возьмем ли сыгравшего Кольку Гудкова Василия Мищенко, актера театра «Современник», или Андрея Анкудинова, Машу Овчинникову, Илону Броневскую. Как вы добиваетесь этого?

— В основном у меня снимаются московские школьники. Многие из них далеко не идеальны — охотятся за импортными тряпками, демонстрируют усвоенные из западных фильмов манеры, увлекаются исключительно западной музыкой. И когда, скажем, им даешь послушать ансамбль Покровского, они брезгливо морщатся. Эта деградация патриотического чувства меня больно ранит...

Но вот происходит интересный процесс. Проживая с героями картины жизнь школы 20-х годов, ребята влюбляются в эту эпоху. И потому, что не судят о той жизни понаслышке, а проживают ее, они, наверное, так органичны в ролях своих сверстников.

— Вы закончили «Я — вожатый форпоста». Что дальше?

— Может быть, прервусь для детектива, сценарий которого написал совместно с Виктором Деминым (главную роль будет играть Кирилл Лавров). Параллельно доработаю свой давний, бесконечно откладываемый, но очень мною любимый сценарий о Николае Кибальчике.

Мы с моим соавтором Евгением Митько работаем над продолжением цикла фильмов об истории советской школы. Напомню: в основу предыдущих фильмов положена жизнь автора популярной повести «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, под этим псевдонимом писал писатель и педагог Михаил Григорьевич Розанов. Колька Гудков вместе со своими друзьями поступит в педвуз, где ему придется пережить нелегкие времена. Это человек чистой, беспокойной совести, готовый за верность своим принципам заплатить сполна — даже одиночеством. Он из породы «непотопляемых» людей. Тем и интересен.

Беседу вел Н. БОБРОВА.

Фото Р. Виландберга.